

Е. В. КОННОВА

аспирант кафедры международного права
Белорусского государственного университета

ПРИМЕНЕНИЕ ТЕРМИНА «ОДНОСТОРОННИЙ АКТ ГОСУДАРСТВА» В МЕЖДУНАРОДНОМ ГУМАНИТАРНОМ ПРАВЕ

Односторонние акты государств получают все более широкое распространение в регулировании международного сотрудничества на современном этапе, что обуславливает актуальность теоретической разработки вопросов, связанных с этим явлением. В международно-правовой литературе при рассмотрении односторонних актов государств в качестве примеров таких актов часто приводятся категории, регулируемые международным гуманитарным правом. Так, например, российские ученые В. Н. Додонов, В. П. Панов, О. Г. Румянцев помимо признания, протеста и отказа к односторонним актам государств причисляют объявление войны или ее прекращение, ультиматум, капитуляцию¹. Российский ученый М. Е. Волосов дополняет указанный перечень объявлением о нейтралитете². В работах западных авторов (например, П. Гуггенхайм, К. Земанек, Р. Меди, Ф. Пфлюгер) среди примеров односторонних актов называется также оккупация³. Соответственно, в доктрине по международному гуманитарному праву при рассмотрении упомянутых институтов также зачастую используется термин «односторонний акт государства». Однако квалификация указанных актов в качестве односторонних имеет свои особенности.

Вопросы односторонних актов государств находятся в центре внимания исследователей. Интерес ученых к этому институту значительно возрос после вынесения в 1974 году Международным судом ООН решения по делу о ядерных испытаниях⁴. Ряд работ, посвященных односторонним актам государств,

¹ Додонов В.Н. Международное право : словарь-справочник / В.Н. Додонов, В.П. Панов, О.Г. Румянцев // Под общ. ред. В.Н. Трофимова. — М.: ИНФРА-М. — 1997. — С. 497

² Волосов М.Е. Односторонний акт / М.Е. Волосов // Российская юридическая энциклопедия / Под ред. А.Я. Сухарева. — М., 1999. — С. 693

³ Guggenheim P. *Traite de Droit International Public* / P. Guggenheim. — T.II. Geneve, 1954. — P. 351-355; Zemanek K. «Unilateral Legal Acts Revisited» / K. Zemanek // *International Law: Theory and Practice. Essays in Honour of Eric Suy*, Martinus Nijhoff Publishers, The Hague/Boston/London, 1998. — P. 212; Mehdi R. *Cours de droit international public* / R. Mehdi. — [Электронный ресурс] // perso.orange.fr/ceic/enseignements/archives/dipl2003.pdf. P. 35; Pflueger Fr. *Die einseitigen Rechtsgeschaeft im Voelkerrecht*. Zuerich: Schulthes & Co, 1936. P.288

⁴ Nuclear tests case (Australia v. France; New Zealand v. France), Judgement of 20 December 1974: I.C.J. Reports, 1974.

появились в западной литературе¹. В СССР в 1984 году вышла монография Р. А. Каламкаряна «Международно-правовое значение односторонних юридических актов государств», на которую опирались другие авторы на советском, а затем и постсоветском пространстве. В начале 2000-х гг. активизировался интерес к данной тематике в Беларуси, России и Украине². Наконец, в 2006 году принятием Руководящих принципов была закончена работа Комиссии международного права ООН (далее КМП) по теме «Односторонние акты государств». Можно говорить о том, что сегодня существует вполне определенный международно-правовой режим, подлежащий применению к односторонним актам государств в строгом смысле этого слова.

Подпадают ли объявление войны или ее прекращение, капитуляция, оккупация и объявление нейтралитета под этот режим? Для ответа на данный вопрос необходимо обратиться к понятию «односторонний акт государства».

Анализ литературы и материалов работы КМП по данному вопросу позволяет сделать вывод, что под односторонним актом государства следует понимать одностороннее проявление воли, сформулированное публично в отношении его адресатов, выражающее намерение вызвать последствия по международному праву и способное независимо от вмешательства воли других государств породить согласно проявленной воле такие последствия, которые, будучи способны предоставлять права, не могут выступать в форме обязательств для третьих государств³. Таким образом, односторонний акт государства является международно-правовым актом, отвечая всем требованиям, предъявляемым доктриной к юридическому акту в международном праве (наличие волеизъявления, его способность вызвать самостоятельные юридические последствия и соответствие таких последствий выраженной воле). Однако, это не простой международно-правовой акт. Он должен также отвечать некоторым специфическим требованиям. Помимо того, что такой акт должен обладать формальным признаком односторонности (волеизъявление должно исходить от одной стороны), его особенностями являются также: 1) решающее значение намерения вызвать международно-правовые последствия; 2) публичность одностороннего акта, которая заключается в том, что для того, чтобы иметь юридическое значение акт должен быть доведен до сведения его адресатов, и именно с этого момента он начинает свое действие; 3) его относительный характер, который выражается в невозможности наложения односторонним актом обязательств на другие государства.

¹ Специально посвящены вопросам односторонних актов работы Де Вишера П., Дегана В.Д., Деосси Ж., Гонсалеса Ж. и Броша Л., Гудмана К., Кисса А., Пфлюгера Ф., Скубижевски К., Соя Э., Вентурини Ж., Земанека К. и др.

² См., например, Лехник Н.Л. Міжнародно-правова природа одностороннього зобов'язання держави / Н.Л. Лехник // Наукові записки. — Т. 26. — Юридичні науки. — Київ, 2004. — С. 60-63; Мельник С.О. Односторонні акти держав у міжнародному праві / С.О. Мельник // Взаємодія міжнародного права з внутрішнім правом України / За ред. В.Н. Денисова. — Київ, 2006. — С. 58-74; Рачков И.В. Односторонние акты государств: некоторые правовые вопросы / И.В. Рачков // Государство и право. — 2001. — № 8. — С. 75-88

³ Коннова Е.В. К вопросу об определении понятия «односторонний акт государства» / Е.В. Коннова // Журнал международного права и международных отношений. — 2008. — № 3. — С. 8

Отвечают ли всем этим требованиям акты об объявлении войны, оккупация, капитуляция, объявление о прекращении [состояния] войны и объявление о нейтралитете?

Что касается объявления войны, то необходимо отметить, что этот институт утрачивает былое значение в современном международном праве. С тех пор, как война из допустимого средства решения международных споров, превратилась в способ, запрещенный международным правом, большинство войн ведутся без объявления войны. Как указывает Р. Бакстер, «Государство, которое начинает военные действия, не склонно промульгировать правовой акт, которым оно признает свою ответственность за возникновение конфликта, в то время как государство, которое действует со ссылкой на необходимую оборону, будет считать излишним «объявление» войны, которую оно не начинало»¹.

Вместе с тем, факт объявления войны влечет за собой вполне определенные юридические последствия, поскольку, как отмечает российский ученый Г. М. Мелков, объявление войны – «это уже начало войны, даже если за этим не последовали боевые действия»². Хотя на этот счет есть и другая точка зрения (А. И. Полторак, Л. И. Савинский), согласно которой «объявление войны, не сопровождающееся открытием военных действий, должно рассматриваться как угроза применения силы»³, которая может и не осуществиться. В ситуации, когда мы имеем дело с фактическим открытием военных действий, объявление войны превращается в способ их открытия, который имеет важное значение в международном праве⁴.

Вне зависимости от квалификации акта объявления войны, речь идет об акте, совершаемом государством в одностороннем порядке, который влечет определенные международно-правовые последствия, что придает ему сходство с односторонними актами государств *stricto sensu*. Именно с момента объявления войны «происходит перестройка международных отношений воюющих государств»⁵. Последствия, о которых идет речь, касаются дипломатических и консульских отношений, имущества дипломатического и консульского персонала, собственности государства-противника, правового положения иностранцев-граждан неприятельского государства, действия международных договоров, рассчитанных на мирные отношения и др. В то же время, будучи точно установленными действующим международным правом, эти последствия объявления войны не являются самостоятельными

¹ Бакстер Р.Р. Поведение комбатантов и ведение военных действий (право, основанное на Гаагских конвенциях) / Р.Р. Бакстер // Международное гуманитарное право. — М.: Ин-т проблем гуманизма и милосердия, 1993. — С. 139

² Мелков Г.М. Международное право в период вооруженных конфликтов / Г.М. Мелков. — М.: ВЮЗИЮ, 1988. — С. 13

³ Полторак А.И. Вооруженные конфликты и международное право / А.И. Полторак, Л.И. Савинский. — М.: Наука, 1976. — С. 208.

⁴ Там же.

⁵ Котляров И.И. Международное гуманитарное право / И.И. Котляров. — М.: Юрлитинформ, 2003. — С. 57.

правовыми последствиями международно-правового акта, соответствующими выраженной в нем воле.

В данном случае речь идет о последствиях, установленных международным правом заранее, и объявление войны выступает лишь «спусковым механизмом» для наступления этих последствий. Французский юрист-международник Ж.-П. Жаке указывает в этой связи, что если в случае юридического акта значимость созданной нормы определяется именно заявленной волей, то юридический факт вызывает механическое применение уже существующей нормы¹.

Полагаем, что объявление войны как нельзя лучше иллюстрирует такую ситуацию и выступает в международном праве в качестве простого юридического факта. Это явление не отвечает требованию самостоятельных правовых последствий, соответствующих проявленной воле, которое необходимо для констатации одностороннего акта государства в строгом смысле, поэтому считаем употребление данного термина в отношении объявления войны некорректным.

Сказанное справедливо и в отношении оккупации, которая вызывает международно-правовой режим, закрепленный в IV Гаагской конвенции 1907 г. (в частности, отдел III)², Женевской конвенции 1949 г. о защите гражданского населения во время войны (в частности, часть III)³ и Дополнительном протоколе I (ст. 63, 69, 70, 78 и др.)⁴. Российский ученый Р. А. Каламкарян подчеркивает, что «... оккупация территории, открытие военных действий являются примерами актов, которым право придает последствия вне всякой связи с волей, которая несомненно здесь присутствует»⁵.

Кроме того, учитывая, что под оккупацией следует понимать временное занятие вооруженными силами одного государства территории другого государства и установление власти администрации на оккупированной территории⁶, то совершенно справедливым видится замечание специального докладчика КМП по теме «Односторонние акты государств» Р. Седенью о том, что оккупация – «хоть и рассматривается как акт, порождающий правовые последствия, все же не оформляется в виде правового акта как такового, хотя государство, осуществляющее такое действие, и могло бы позже сделать за-

¹ Jacques J.-P. *Éléments pour une théorie de l'acte juridique en droit international public* / J.-P. Jacques. — Paris : Librairie générale de droit et de jurisprudence, 1972. — P. 193

² Положение о законах и обычаях сухопутной войны. — Приложение к Конвенции о законах и обычаях сухопутной войны, 5 октября 1907 г. // Действующее международное право. В 3-х тт. — Т. 2. — М.: Изд-во Московск. независ. ин-та межд. права, 1999. — С. 584-587

³ Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войны, 12 августа 1949 г. // Действующее международное право. В 3-х тт. — Т. 2. — С. 694-705.

⁴ Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов, 8 июня 1977 г. // Действующее международное право. В 3-х тт. — Т. 2. — С. 731-792.

⁵ Каламкарян Р.А. Международно-правовое значение односторонних актов в международном праве / Р.А. Каламкарян. — М.: Наука, 1984. — С. 10.

⁶ Толочко О.Н. Международное гуманитарное право / О.Н. Толочко. — Гродно : ГрГУ, 2004. — С. 27; Арцибасов И.Н. Вооруженный конфликт: право, политика, дипломатия / И.Н. Арцибасов, С.А. Егоров. — М.: Междун. отн., 1989. — С. 139.

явление, которое, тем не менее, было бы отнесено к другой категории актов, таких, в частности, как уведомления»¹.

Единственным случаем, когда объявление войны и оккупацию (при последующем издании соответствующего заявления) можно было бы рассматривать в качестве односторонних актов государств *stricto sensu*, является ситуация, которую сложно представить на практике, но можно, тем не менее, допустить в теории. Речь идет о принятии на себя в таких декларациях каких-либо дополнительных обязательств, не предусмотренных действующим международным правом. Так, например, государство, объявляющее войну и обладающее новым оружием, не запрещенным международным правом, может сделать заявление о неприменении в данной войне этого оружия. Или оккупирующая держава может принять какие-либо обязательства помимо тех, что закреплены в указанных Конвенциях и Протоколе. В таких случаях подобные акты можно будет рассматривать как декларации обязательства (обещание), являющиеся одним из признанных доктриной видов односторонних актов государств. При нарушении государством этого обязательства его можно будет призвать к ответственности, ссылаясь на принятую им декларацию как на источник юридического обязательства.

Другим актом, используемым в международном гуманитарном праве, который приводится в качестве примера одностороннего акта государства, является капитуляция. Причем, авторы не уточняют, идет ли речь о капитуляции частной или общей. Вероятно, такого уточнения не делается, поскольку очевидно, что частная капитуляция не имеет никакого отношения к односторонним актам государств как особому виду международно-правового акта.

«Капитуляция отдельной воинской единицы, – указывал советский ученый В. А. Соколов – имеет сугубо военный характер, она не оказывает существенного политического влияния на судьбу государства...»². Начальники этих военных единиц – будь-то командир части или капитан военного судна – не имеют полномочий издавать международно-правовые акты от имени государства, следовательно, не могут являться авторами односторонних актов государств.

Кроме того, в отношении юридической природы этого вида капитуляции в литературе высказывалась однозначная трактовка капитуляции как соглашения, договора, заключаемого между военачальниками. Так, польский ученый М. Мушкат отмечал: «капитуляция есть соглашение, на основе которого одна из воюющих сторон передает другой стороне военные соединения, морские подразделения или сухопутные укрепления»³.

Что же касается общей капитуляции, и, в частности, ее разновидности – безоговорочной капитуляции, здесь имеются некоторые отличия. Во-первых,

¹ Первый доклад об односторонних актах государств, подготовленный г-ном Виктором Родригес Седенью, Специальным докладчиком. Комиссия международного права, пятидесятая сессия: Док. ООН A/CN.4/486. – С. 22.

² Соколов В.А. Мирный договор / В.А. Соколов. – Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 1965. – С. 41.

³ Там же.

в этом случае мы действительно имеем дело с международно-правовым актом. Во-вторых, как правило, подписывается акт о капитуляции одной (потерпевшей) стороной.

Так, в Акте о военной капитуляции германских вооруженных сил от 8 мая 1945 г. и Акте о капитуляции Японии от 2 сентября 1945 г. подписантами выступают соответственно Германия и Япония. Подписи же представителей союзнических сил, принимающих капитуляцию, следуют за словами «В присутствии», «Скреплено», «присутствовали в качестве свидетелей»¹. Таким образом, формально данные акты исходят от одной стороны (Германии и Японии соответственно).

В то же время, для того, чтобы акт мог считаться односторонним, он должен вызывать правовые последствия *независимо от других проявлений воли*. Эта независимость отличает односторонний акт государства от договорных актов. Нельзя сказать, что акты о капитуляции отвечают этому требованию. Так, ст. 1 акта о капитуляции Германии содержит фразу «Мы... *соглашаемся* – (курсив здесь и далее наш – Е. К.) – на безоговорочную капитуляцию»². Акт о капитуляции Японии начинается со слов: «Мы... *принимаем условия декларации...*»³.

Сам факт принятия безоговорочной капитуляции означает *согласие* с теми решениями, которые принимаются в отношении агрессора. «Капитуляция – это своеобразное международное обязательство, в котором выражена также воля потерпевшего поражение агрессора»⁴, но источником воли, проявленной в акте о капитуляции, несомненно, является государство-победитель.

Таким образом, на наш взгляд, налицо договорная процедура *sui generis*. Капитуляция изначально задумывалась как акт договорной, о чем свидетельствует и ст. 35 Положения о законах и обычаях сухопутной войны: «При заключении между договаривающимися сторонами капитуляций должны быть принимаемы во внимание правила воинской чести. Заключенные капитуляции должны быть в точности соблюдаемы *обеими сторонами*»⁵.

Учитывая вышеизложенное, считаем ошибочной квалификацию капитуляции в качестве одностороннего акта государства. Другим примером, приводимым в качестве односторонних актов государств, является объявление об окончании войны.

Односторонняя декларация о прекращении [состояния] войны является одной из форм окончания войны. Эта форма возникает на основании одностороннего волеизъявления государства, «обычно государства-победителя,

¹ Акт о военной капитуляции германских вооруженных сил от 8 мая 1945 г., Акт о капитуляции Японии от 2 сентября 1945 г. // Международное право в избранных документах. — М.: ИМО, 1957. — С. 288, 290

² Там же. — С. 288.

³ Там же. — С.290

⁴ Полторак А.И. Вооруженные конфликты и международное право / А.И. Полторак, Л.И. Савинский. — М.: Наука, 1976. — С. 213.

⁵ Положение о законах и обычаях сухопутной войны. — Приложение к Конвенции о законах и обычаях сухопутной войны, 5 октября 1907 г. // Действующее международное право. В 3-х т. — Т. 2. — М.: Изд-во Московск. независ. ин-та межд. права, 1999. — С. 583

издающего односторонний акт, в котором оно заявляет о прекращении состояния войны»¹.

Рассматриваемая форма прекращения состояния войны является довольно распространенной в международной практике. Так, односторонней декларацией в 1919 г. Китай прекратил состояние войны с Германией после того, как китайский парламент отказался ратифицировать Версальский мирный договор. По этой же причине, США приняли особую резолюцию, прекращающую состояние войны в 1920 г. В 1950 г. односторонним актом прекратила состояние войны с Германией Бельгия, в 1951 г. – Мексика, Великобритания, США, Франция, в 1955 г. Президиум Верховного Совета СССР издал Указ о прекращении состояния войны между Советским Союзом и Германией, последовали этому примеру и Канада, Чехословакия, Болгария, Венгрия, Гватемала и другие страны.

Обычно подобные декларации, как и декларации об объявлении войны, не влекут никаких самостоятельных правовых последствий, кроме тех, что уже предусмотрены международным правом. Советский ученый Соколов В. А., сравнивая нормы, содержащиеся в односторонних декларациях, с нормами, закрепляющимися в мирных соглашениях, указывал на такое их отличие: «В отличие от нормы, прекращающей состояние войны, нормы, непосредственно регулирующие послевоенные отношения могут закрепляться только в документах, выработанных в договорном порядке, ибо нельзя решать вопросы взаимоотношения сторон односторонним актом». То есть, по мнению этого ученого, в односторонних декларациях может закрепляться лишь норма, прекращающая состояние войны. При этом эта норма «регулирует мирные отношения через *общие принципы* международного права»².

Как отмечалось выше, акты, правовым последствием которых является лишь вызов к применению уже закрепленных международным правом режимов, не могут считаться юридическим актом в смысле международного права, а относятся к более широкому понятию «юридический факт». Следовательно, подобные односторонние декларации о прекращении [состояния] войны, также не подпадают под понятие «односторонний акт государства» в строгом смысле. В то же время, полагаем, ничто не мешает государству-автору такой декларации взять на себя (как и при объявлении войны) какие-либо дополнительные обязательства помимо тех, что уже предусмотрены международным правом на случай окончания вооруженного конфликта. Разумеется, это возможно лишь при условии, что такая декларация не будет направлена на создание обязательств для третьих государств и не затронет уже существующие обязательства государства-автора акта в сторону их уменьшения. В такой ситуации, эту декларацию можно будет рассматривать как односторонний акт государства *stricto sensu*.

Вышеизложенные доводы применимы и к декларациям о нейтралитете, однако последние обладают еще одной существенной особенностью. Как мы

¹ Соколов В.А. Мирный договор / В.А. Соколов. — Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 1965. — С. 66.

² Соколов В.А. Правовые формы прекращения состояния войны / В.А. Соколов. — М.: Гос. изд. юр. лит-ры, 1963. — С. 12-13.

уже отмечали, односторонний акт государства носит относительный характер, то есть не может накладывать каких-либо обязательств на третьи стороны. Нейтралитет же всегда предполагает существование ряда обязанностей третьих государств по отношению к нейтральному государству в военное время, а постоянный нейтралитет – и в мирное. В связи с этим, эвентуальный нейтралитет хоть и может устанавливаться односторонней декларацией, однако как сама возможность издания такой декларации, так и ее последствия предусмотрены соответствующими международно-правовыми нормами. Это обуславливает квалификацию деклараций об эвентуальном нейтралитете подобно рассмотренным выше декларациям об объявлении войны или о ее прекращении в качестве юридического факта.

Что же касается постоянного нейтралитета, то, на наш взгляд, он может устанавливаться лишь договорным путем или посредством одностороннего заявления и последующего признания этого нейтралитета другими государствами. Итальянский ученый П. Коппини справедливо указывает на то, что «только согласие всех сторон может вызвать ... комплекс взаимных обязательств» в связи с постоянным нейтралитетом¹. Заинтересованные государства могут также заранее договориться о признании постоянного нейтралитета, если данное государство примет его в будущем².

Так, например, постоянный нейтралитет Австрии оформлен Государственным Договором о восстановлении и независимости Австрии и Федеральным Конституционным законом о нейтралитете Австрии 1955 г. Декларация Мальты о ее постоянном нейтралитете 1981 г. принята к сведению в итоговом документе Мадридской встречи представителей государств-участников СБСЕ. Постоянный нейтралитет Лаоса основывается на заявлении правительства Лаоса о нейтралитете, подтвержденном Декларацией о нейтралитете Лаоса, подписанной в 1962 г. 14 государствами-участниками Международного совещания по урегулированию лаосского вопроса.

Постоянный нейтралитет может признаваться молчаливо или при помощи односторонней декларации. Например, в 1918 г. в одностороннем порядке заявила о своем нейтралитете Исландия. От других государств не последовало каких-либо шагов, что, по мнению советского ученого Б. В. Ганюшкина, «дает некоторые основания полагать, что все государства молчаливо согласились принять к сведению нейтралитет Исландии»³. В 1955 г. Румыния односторонним актом признала постоянный нейтралитет Австрии⁴.

Договорной механизм, по мнению исследователей, придает юридическую силу постоянному нейтралитету Туркменистана, принявшего в 1995 г. конституционный закон, устанавливавший постоянный нейтралитет для данного государства. В 1995 же году Генеральная Ассамблея ООН приняла ре-

¹ Coppini P. La neutralité permanente de l'Autriche / P. Coppini // Revue de Droit International de Sciences Diplomatiques et Politiques. – 1957. – № 1. – P. 19.

² Тиунов О.И. Нейтралитет в международном праве / О.И. Тиунов. – Пермь : ПГУ, 1968. – С. 43-50.

³ Ганюшкин Б.В. Нейтралитет и неприсоединение / Б.В. Ганюшкин. – М.: ИМО, 1965. – С. 114.

⁴ Кондаков А.В. Постоянный нейтралитет в международном праве: дисс... к.ю.н. / А.В. Кондаков. – М., 2002. – С. 50.

золюцию, в которой признала этот статус и призвала государства-члены ООН «уважать и поддерживать» его, «уважая также независимость, суверенитет и территориальную целостность» Туркменистана¹. Эта резолюция рассматривается Туркменистаном и некоторыми юристами «как некая особая гарантия мировым сообществом ... статуса постоянного нейтралитета страны». Предполагается, что закон и резолюция создали «своего рода договор между Туркменистаном с одной стороны, и ООН в лице ее членов – с другой»².

Полагаем, что установление статуса постоянного нейтралитета путем одностороннего акта, не признанного другими государствами, невозможно. По мнению М. Грехема (США), такой нейтралитет «является добровольно принятой политикой», которая имеет лишь моральную ценность и не обладает юридической силой по международному праву³. Как отмечает О. И. Тиунов (Россия), одностороннее волеизъявление государства быть постоянно нейтральным, создает обязательства только для принявшего его государства, а для других государств не имеет обязывающей силы до того момента, пока ими не признано⁴.

Нисколько не оспаривая данный тезис, подчеркнем слова О. И. Тиунова: «создает обязательства для принявшего его государства» – то есть еще до признания его другими государствами объявление нейтралитета уже вызывает определенные последствия в виде обязательств для государства-автора, что действительно делает его похожим на односторонний акт государства. В то же время, считаем, что обязательства, которые возникают для государства, объявившего о своем нейтралитете, до его признания не носят международно-правового характера. Так, П. Коппини (Италия) считает, что односторонняя декларация Австрии о постоянном нейтралитете «сама по себе не установила международный статус», а лишь «создала конституционную обязанность для государственных органов поддерживать нейтралитет»⁵. Американский автор Дж. Кунц указывает, что «самопровозглашенный нейтралитет ... является лишь декларацией о политическом курсе, или частью национального права». Рассматривая австрийскую декларацию, этот ученый пишет: «Если бы за ней ничего не последовало, Австрия могла бы в любое время, соблюдая предписываемую для этого конституционную процедуру, изменить или отозвать свой постоянный нейтралитет»⁶.

Как отмечалось выше, в качестве одного из неперемennых требований для определения одностороннего акта государства, способного повлечь международно-правовые последствия, является намерение государства-

¹ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН A/Res/50/80 от 11 января 1995 г. – Электронный ресурс: <http://daccessdds.un.org/doc/UNDOC/GEN/N96/761/25/PDF/N9676125.pdf?OpenElement>

² Кондаков А.В. К вопросу о гарантиях постоянного нейтралитета Туркменистана / А.В. Кондаков // Московский журнал международного права. – № 3 (43). – 2001. – С. 58.

³ Graham M.W. Neutralization as a Movement in International Law / M.W. Graham // American Journal of International Law. – V. 21. – 1927. – № 1. – P. 87-88.

⁴ Тиунов О.И. Нейтралитет в международном праве / О.И. Тиунов. – Пермь: ПГУ, 1968. – С. 44.

⁵ Coppini P. La neutralite permanente de l'Autriche / P. Coppini // Revue de Droit International de Sciences Diplomatiques et Politiques. – 1957. – № 1. – P. 20.

⁶ Kunz J.L. Austria's permanent neutrality / J.L. Kunz // American Journal of International Law. April, 1956. – Vol. 50. – № 2. – P. 419.

автора взять на себя юридические обязательства. Вряд ли возможно сделать вывод о том, что, объявляя о постоянном нейтралитете, государство имеет намерение взять на себя односторонние обязательства по его соблюдению вне всякой связи с признанием этого нейтралитета третьими государствами. Полагаем, что целью подобного акта выступает последующее признание и уважение нейтралитета другими участниками международного общения, возникновение комплекса взаимных прав и обязательств в связи с постоянным нейтралитетом, которые бы способствовали обеспечению безопасности государства, заявляющего о своем нейтралитете, и содействовали укреплению международной безопасности в целом. В связи с этим, мы склоняемся к точке зрения тех авторов (например, П. Коппини), которые рассматривают подобные декларации в качестве предложения, которые приобретают юридическую силу лишь после принятия другой стороной¹ и не являются односторонними юридическими актами государств.

Учитывая вышеизложенное, полагаем, что квалификация объявления войны или ее окончания, оккупации, капитуляции, объявления нейтралитета в качестве односторонних актов государства в большинстве случаев неоправданна. Такая правовая оценка применима лишь в тех ситуациях, когда соответствующие декларации, исходя от одной стороны, способны самостоятельно создать в отношении их автора обязательства, не предусмотренные уже действующим международным правом, что на практике встречается крайне редко. Использование же указанного термина в иных случаях приводит к смешению различных международно-правовых категорий и значительному затруднению определения правового режима, подлежащего применению.

---

¹ Coppini P. La neutralite permanente de l'Autriche / P. Coppini // Revue de Droit International de Sciences Diplomatiques et Politiques. — 1957.— № 1. — P.20